

З. Н. ГИППИУСЪ
АРИΘΜΕΤΙΚΑ ЛЮБВИ
рѣчь въ «Зеленой Лампѣ»

Я буду говорить только о личной любви; т. е. о мостѣ, который строитъ Эросъ между двумя личностями. Эроса римляне такъ и называли: «pontifex», что значитъ «строитель мостовъ» (и «священникъ»).

Но если это мостъ между двумя личностями, то необходимо сначала условиться о понятіи личности, хотя бы въ первоосновахъ; иначе и дальше мы ничего не поймемъ.

Первоосновы личности такія: абсолютная единственность, неповторяемость, и потенція абсолютнаго бытія (вѣчности).

Другія опредѣленія мы найдемъ, когда будемъ разсматривать, какъ личность выражается въ любви.

И вотъ что замѣчательно: стоитъ подойти къ человѣку не лично, взять его просто какъ одну изъ особей, случайно населяющихъ случайный міръ, — какъ тотчасъ этотъ міръ окажется полонъ несообразностей. Одна изъ нихъ — любовь. Очевидная нелѣпость! Всѣ попытки ее къ чему нибудь приспособить, — напримѣръ, къ необходимости продолженія рода человѣческаго, — бесплодны: давно извѣстно, что и безъ нея родъ человѣческой продолжался бы, притомъ гораздо лучше. Съ точки зрѣнія «особей» ея существованіе необъяснимо и ничѣмъ не оправдано.

Чувство любви, состояніе любви, о которой мы говоримъ, — болѣе или менѣе знакомо всякому. Всѣ, поэтому, знаютъ, что оно неизмѣнно сопровождается ощущеніемъ, во первыхъ, абсолютной единственности любимаго, и, во вторыхъ, — вѣчности любви. (Какъ разъ то, что первично утверждается и въ личности — для личности).

Ощущеніе единственности — полное: предложите любящему, въ обмѣнъ, какое угодно другое человѣческое существо, или хоть всѣ другія, — онъ даже не взглянетъ: въ любимомъ для него цѣнность абсолют-

ная. Ощущение-же, что любовь эта — навсегда, навѣкъ, усложнено еще какимъ-то волевымъ утверждениемъ вѣчности, огненнымъ въ нее прозрѣниемъ... хотя бы вопреки разсудку. Главная мука Марсея Пруста, во время влюбленности, была въ разсудочномъ предвидѣнїи, что эта любовь — пройдетъ. Всю жизнь Прусть бился «на порогѣ личности»; понималъ ее, но такъ и умеръ, не посмѣвъ сказать себѣ, что понимаетъ.

Впрочемъ, у слишкомъ многихъ есть это твердое знаніе: «разлюблю». А рядомъ такое-же твердое: «никогда!» Меньше, чѣмъ на вѣчность, любовь не соглашается.

У любви-влюбленности есть, кромѣ этихъ, и другія общія свойства, хотя, конечно, нѣтъ и не было одинаковой любви, какъ нѣтъ и не было одинаковой личности. Эросъ—одинъ; а если разнится, то какъ вода въ разныхъ по величинѣ, формѣ и цвѣту сосудахъ. Въ чемъ же еще, кромѣ утвержденія единственности любимаго и вѣчности любви, проявляетъ себя Эросъ одинаково во всѣхъ влюбленныхъ?

Никогда не бываетъ эта любовь — чистой духовностью (даже когда такой воображается). Но не бываетъ она и чистой тѣлесностью. Мы, вѣдь, условились исключить изъ понятія любви какъ благородный «жаръ ученаго къ наукѣ», такъ и вспышки, голо-физиологическія, полового инстинкта. Мы говоримъ только объ Эросѣ, несущемъ съ собою «вѣянье нездѣшной радости» (по выраженію Вл. Соловьева). Это вѣянье знаетъ каждый влюбленный, оно охватываетъ человѣка всею, цѣликомъ, измѣняетъ внѣшне и внутренно. Подлинная влюбленность всегда — духовно-тѣлесна.

И тутъ любовь опять есть подобіе самой человѣческой личности.

О душеѣлесности человѣка не мало намъ твердили, но все, кажется, напрасно. Мы такъ привыкли дѣлать его на душу и тѣло, что ни отъ языка, ни отъ воображенія не можемъ этой привычки оторвать. Мы не представляемъ себѣ человѣка, одухотвореннаго въ каждой клѣточкѣ своей, но, довольно неопредѣленно, воображаемъ человѣческую форму, внутри которой гдѣ-то лежитъ, прозрачно-тонкимъ клубкомъ, душа. Въ отличіе отъ матеріалистовъ, которые и клубка не признаютъ,

идеалисты уповаютъ на безсмертіе души. Вылетитъ комокъ изъ человѣка и будетъ вѣчно носиться въ пространствѣ...

Но правильно сказалъ одинъ французскій писатель: тѣло безъ души, или душа безъ тѣла — и то, и другое равно знакъ смерти, распада.

А живой человѣкъ — есть нѣкая цѣльность; и онъ — д у ш е - т ѣ л е с е н ь , какъ его любовь.

Любовь на многое еще открываетъ глаза человѣку: она даетъ ему познать и трагическое несовершенство міра.

Почему въ каждой любви радость такъ переплетена со страданіемъ? Оно принимаетъ тысячи формъ, и тысячи разнообразныхъ причинъ находить человѣкъ, чтобы страдать. А если видимыхъ причинъ какъ будто нѣтъ — онъ творитъ ихъ для себя. И ужъ, конечно, никакое страданіе не заставитъ человѣка отказаться отъ любви.

Истокъ, или первопричина этихъ страданій, — отъ любви неотдѣлимыхъ, — лежитъ очень глубоко: это — сознательное (или подсознательное) ощущеніе, что полнота любви не воплотима въ мірѣ, каковъ онъ сейчасъ есть. Полнота той любви, ю которой Эросъ что-то открылъ человѣку; именно той, — другой онъ не хочетъ: е д и н с т в е н н о й , и с м е р т и н е п о д к л о н н о й .

Но въ этихъ-же страданіяхъ, въ какомъ-то волевои ихъ принятіи, лежитъ награда... если не осуществить любовь въ полнотѣ, то приблизитъ ся къ ней. Человѣкъ страдаетъ, когда движется, когда борется... Въ сущности, все творчество человѣческое есть борьба, — неразлучная со страданіемъ, — за какую нибудь цѣнность; за превращеніе бытія потенциальнаго — въ дѣйствительное.

Такъ или иначе, вложенныя въ человѣка аспираціи и даже опредѣленныя предощущенія дѣйствительной любви — есть реальность; чтобы ее уничтожить, надо было бы измѣнить самую природу человѣческую. Во всѣ времена люди искали полноты любви, боролись за любовь. Но слишкомъ часто это — борьба «въ слѣпую». Между тѣмъ нигдѣ такъ не важно с о з н а н і е , какъ въ вопросѣ пола. (Повелительную роль его признаютъ даже физиологи). Мы видѣли, какъ много можетъ открыть Эросъ человѣческому сознанію. Можетъ онъ открыть и больше, — от-

крыть нѣкоторыя условія, въ которыхъ осуществленіе любви дѣлается возможнымъ.

Но тутъ необходимо остановиться еще на одномъ природномъ свойствѣ челоуѣка - личности, реального челоуѣка. Оно, какъ фактъ, признается всѣми. А важность его въ вопросѣ о личной любви мы сейчасъ увидимъ.

Это коренное свойство челоуѣка — андрогинизмъ.

Безчисленныхъ обоснованій и объясненій андрогинизма я не касаюсь. Утвердимъ просто: живое душедельское челоуѣческое существо, реальный челоуѣкъ, никогда не бываетъ только мужчиной, или только женщиной. Оба начала, мужское и женское (М. и Ж. по Вейнинггеру) въ немъ соприсутствуютъ. Но необходимо утвердить и слѣдующее, что я особенно подчеркиваю: въ каждомъ реальномъ челоуѣкѣ которое нибудь одно изъ двухъ началъ, М. или Ж., — преобладаетъ.

Челоуѣкъ, такимъ образомъ, существо или мужеженское или женомужское; при чемъ само сложеніе двухъ началъ въ каждомъ — лично, т.-е. какъ личности единственно и неповторимо.

Во всемъ этомъ, вмѣстѣ взятомъ, и заключена потенція личной любви.

Дѣйствительно: будъ люди носителями одного начала, эти — мужского, тѣ — женскаго, то каждое такое цѣльное М. равно влеклось-бы къ каждой полярно-противоположной цѣльности, — Ж. (и обратно). Для мужчины всѣ женщины были бы одинаковы: вѣдь всѣ одинаково носительницы женскаго, къ которому и стремилось-бы его мужское. Тогда въ мирѣ не только не могла-бы родиться личная любовь, но даже и понятія о ней бы не существовало.

Она, однако, рождается, и сколько бы разъ надежда познать ее, истинную, ни обманывала, челоуѣкъ остается вѣренъ этой надеждѣ до конца.

Но въ чемъ же, когда, при какихъ условіяхъ становится возможнымъ осуществленіе любви, приближеніе къ ея полнотѣ? Или Эросъ нашептываетъ небылицы, внушая каждому андрогинному челоуѣческому существу, что для его единственнаго «я» есть какое-то другое единственное «ты»?

Нѣтъ, Эросъ не лжетъ. И каждый правъ, ища это единственное «ты»: оно потенциально есть, находимо.

Оно, для существа мужеженскаго, будетъ другимъ человеческимъ существомъ, въ соотвѣтственно-обратной мѣрѣ двойнымъ, — женомужскимъ. Но именно въ соотвѣтственно-обратной мѣрѣ.

Чтобы понять эту обратность, представимъ себѣ человѣка ввидѣ восьмерки. Двѣ петли, М. и Ж., непременно неравныя (преобладаніе). Если положить восьмерку на ребро (кстати, лежачая восьмерка въ математикѣ символъ безконечности) то петля М., мужская, будетъ правой, петля Ж., женская, — лѣвой. Попробуемъ теперь взглянуть на отраженіе этой восьмерки въ зеркалѣ. Мы увидимъ другую, совершенно подобную, съ петлями въ той же мѣрѣ неравными. Только правая, у отраженной восьмерки, будетъ лѣвой, лѣвая — правой. Обѣ петли обѣихъ восьмерокъ совпадутъ: но лѣвая каждой — съ правой каждой. Мужская каждой — съ женской каждой.

Это и есть соотвѣтственная обратность.

Но прошу замѣтить, что восьмерки я беру здѣсь исключительно какъ примѣръ, для наглядности. Въ живомъ существѣ, одухотворенномъ въ каждой своей клѣточкѣ, начала М. и Ж. не могутъ быть такъ раздѣльны, какъ петли видимыхъ восьмерокъ, да и соотношеніе между обоими началами не находится только въ количественной категоріи. (У восьмерокъ, неравенство ихъ петель только въ величинѣ).

Я напоминаю, что сплетеніе двухъ началъ, М. и Ж., во всякой личности — лично, т. е. единственно и неповторимо, какъ сама личность.

Но вернемся къ совпаденію обратностей..

Абсолютна обратности (полярности) двухъ, дающаго абсолютъ любви, нѣтъ, конечно, въ безабсолютномъ мірѣ. Но въ немъ есть возможность неограниченнаго приближенія къ абсолюту. Чѣмъ полнѣе душегѣлесная обратность, тѣмъ совершеннѣе любовь, ближе къ вѣчно-желанной, непременно «одной» и непременно «навсегда». За нее мы и боремся, и всѣ знаемъ, даже не зная, что борьба за любовь — это борьба со смертью.

Здѣсь много было говорено о Содомѣ. Впрочемъ, въ послѣднее вре-

мя вообще о немъ говорятъ. Берутъ со всяческихъ точекъ зрѣнія: съ житейской, исторической, медицинской, моральной, революціонной и т. д. Я хочу взять его крайне узко. Я хочу только разсмотрѣть, что такое С о - д о м ь по отношенію къ л ю б в и личной.

Эросъ не скупится на стрѣлы, онъ разбрасываетъ ихъ, не считая. А наша отвѣтственность на всякій зовъ его такова, что право я не знаю, найдется-ли хоть одинъ человѣкъ, никогда не испытывшій влюбленности, или чего-то вродѣ нея. Если бы хоть изъ миллионной части всѣхъ влюбленностей, самыхъ искреннихъ, выходила настоящая любовь, Эросу нечего было бы жаловаться. Она не выходитъ, но вѣдь могла бы выйти? Вѣдь могли бы эти двое оказаться восьмерками съ обратно-совпадающими петлями?

Есть, все же, случаи влюбленности, когда заранѣе можно сказать, что никакой настоящей любовью она не кончится, къ о с у щ е с т в л е н і ю любви міра не приблизить. Такова влюбленность, называемая о д н о п о л о й или с о д о м с к о й .

Почему? Да потому, что зеркальная обратность двухъ личностей ненаходима между двумя существами м у ж е ж е н с к и м и (реальными м у ж ч и н а м и), равно и между двумя женомужскими (ж е н щ и н а м и). Эта обратность, какъ будто, и въ планѣ міра не лежитъ, а потому ненаходима даже п р и б л и з и т е л ь н а я , та, которую воля человѣческая могла-бы превратить въ чудо любви.

Внимательно наблюдая реальную жизнь, мы найдемъ въ ней много подтвержденій. Распадъ содомской л и ч н о й любви наступаетъ особенно быстро, и даже тѣмъ быстрѣе, чѣмъ она искреннѣе. Случается, что человѣкъ сильный и обладающій нѣкоторымъ сознаниемъ, рѣшаетъ сохранить свою любовь хотя бы въ данной стадіи, и хотя бы цѣной отказа отъ всякихъ надеждъ на любовь въ идеалѣ: онъ не стремится къ взаимности, не хочетъ Эроса-pontifex'a, строителя мостовъ и священника, онъ старается придѣлать Эросу, вмѣсто легкихъ крылышекъ, длинныя а н г е л ь с к і я крылья. На нѣкоторое время это консервируетъ влюбленность, сообщая ей даже отгѣнокъ (немного дешевой) драматичной красоты... Но затѣмъ обезкровленная любовь все таки слабѣетъ и умираетъ...

Чаще-же не происходитъ и этого. Рядъ содомскихъ влюбленностей съ ихъ быстрыми крахами, распадами, приучаетъ содомиста къ распадамъ;

и незамѣтно ведетъ его къ собственному распаду. Во всякомъ случаѣ — къ распаду своего природнаго отношенія къ личной любви.

Содомистъ нисходитъ тогда къ своей нормѣ.

Я прошу забыть общепринятое понятіе слова «нормальный». Съ точки зрѣнія личной любви одинаково ненормальны: и мужчина, говорящій, что онъ любитъ вообще мужчинъ (во множественномъ числѣ), и другой мужчина, объявляющій, что любитъ (тоже во множественномъ числѣ и вообще) — женщинъ. Но они оба, по своему, нормальны; они для своей нормы — типичны.

Разница между ними, однако, есть: состояніе «женолюбиа», — часто, — примитивное состояніе: изъ него можно еще эволюционировать, (оставаясь въ томъ же порядкѣ) отъ общаго — къ частному, отъ множественности — къ единству. Типичный содомистъ обыкновенно ужъ продѣлалъ свою эволюцію, обратную: отъ единства — къ общему. И можетъ ее только продолжать.

Мало-по-малу въ содомистахъ стираются и личность и, вмѣстѣ, — андрогинизмъ: притягиваетъ только М., только мужское, отталкиваетъ женское (даже въ себѣ). Какъ, наоборотъ, содомистку влечетъ исключительно женское, элементъ мужского ей ненавистенъ. Но это своеобразное «наоборотъ» ни къ чему не служитъ; чѣмъ содомистъ и содомистка типичнѣе (нормальнѣе) тѣмъ они дальше другъ отъ друга.

Можно отрицать мои выводы и догадки относительно истинной любви; можно всѣ эти андрогинизмы и обратныя совпадаемости назвать скучнымъ теоретизированьемъ. Но дѣйствительность отрицать уже труднѣе; Содомъ нормальный (типичный) принимаетъ въ дѣйствительной жизни именно такія формы, не другія. Любая апологія Содома это подтверждаетъ. Такой Сodomскій апологетъ, напримѣръ, какъ André Gide, съ наивно-трогательной искренностью открываетъ намъ, въ какомъ видѣ остается у Сodomлянъ «личная любовь»: она нисколько не мѣшаетъ всемирному, тутъ-же, физиологическому распыленію. Или андрогинизмъ: онъ выражается въ поискахъ ежедневно новаго «*adolescent merveilleux*». Отрокъ можетъ и языка вашего не знать — зачѣмъ слова? Здѣсь Эросъ приглашается для вѣяній исключительно здѣшной радости...

Насколько любопытны Gid'ы, настолько-же неинтересны и бесплодны борцы против содоміи, особенно осуждающіе ее съ моральной точки зрѣнія. Морали тутъ дѣлать нечего. Gide не виновать, если цѣнности личной любви не видитъ, если утерьялъ природно-человѣческое стремленіе. Это его дѣло. Мы, признающіе ея цѣнность, можемъ лишь констатировать фактъ, и, обобщая, сказать, что содомская дорога уводитъ очень далеко въ сторону отъ Эроса божественнаго; и по всѣмъ видимостямъ, она ведетъ въ тупикъ.

Вотъ еще одно, послѣднее, замѣчаніе относительно содоміи.

Въ самомъ высокомъ, что есть у людей, — въ творчествѣ, — гдѣ человѣкъ умѣетъ облекать плотью свои мечтанья, еще не имѣющія плоти въ реальномъ мірѣ, и гдѣ онъ вѣчно стремится создать образъ совершенной любви, — никогда этотъ образъ не являлся ему въ видѣ любви содомской.

Вѣдь не объяснятъ-же это страхомъ истиннаго художника-творца передъ «непринятымъ», или чѣмъ нибудь въ такомъ родѣ?

Гоголь въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», далъ не бытовую картинку. Онъ далъ, въ малыхъ капляхъ отраженную, полноту личной любви. Онъ самъ это подчеркиваетъ, показываетъ неподклонность любви «всесокрушающему времени».

И мы не можемъ вообразить..... а, впрочемъ, попытаемся, все таки; вообразимъ хоть на минуту, что Гоголь, думая о совершенной любви, беретъ не Пульхерію Ивановну и Аѳанасія Ивановича, а — Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Это они, — не ссорятся изъ-за гусака, а развѣ нѣжно подшучиваютъ другъ надъ другомъ. Это Иванъ Ивановичъ, во дни молодости, похитилъ Ивана Никифоровича, взявъ его увозомъ, и съ тѣхъ поръ оба неразлучны днемъ и ночью. Это Иванъ Никифоровичъ.. да мало-ли что еще можно вообразить! Лучше оставимъ, чтобы не обижать содомистовъ невольнымъ смѣхомъ, и вовсе не гоголевскимъ, «сквозь слезы» (да вѣдь Гоголь этого и не писалъ!), а самымъ обыкновеннымъ смѣхомъ надъ гримасой любви.

Я кончаю, хотя вопросъ о личной любви тутъ только и начинается. Исполненія любви, какъ задачи, стоящей передъ волей человѣческой, я касаться не хочу, да и не могу. Слишкомъ пришлось бы для этого раздвинуть горизонты... Вл. Соловьевъ годами твердилъ о «конечныхъ цѣляхъ любви», о «дѣлѣ любви»; кое чего не досказалъ, но

и сказаннаго никто не услышалъ. Онъ говорилъ о д о л ж н о м ъ, а мы, вѣдь, и д а н н а г о еще не понимаемъ.

Много-ли мы понимаемъ о личности? Много-ли о любви? Недаромъ Соловьевъ, пытаясь о ней что-то сказать, новое и важное, вдругъ самъ себя съ отчаяньемъ прерывалъ: «да кто-же когда нибудь думалъ съ чемъ нибудь подобномъ по поводу любви?»

Ну чтожъ. Если и не думалъ, — можетъ быть въ послѣдствіи подумаетъ.